

ДАГУН ОМАЕВ В ТЕАТРЕ И КИНО

ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что едва ли не первую ответственную роль, роль солдата-героя, он сыграл, пройдя уже суровую школу солдатской жизни. На сцене впервые надел он гимнастерку, стоял в строю, призывал к трудностям походной жизни. Прежде чем выйти перед зрителями в образе солдата, рядовой Омаев проходил службу в рядах Советской Армии, учился защищать и беречь Родину, через четверть века после войны в мирное время выполняя завет мальчишек 43 года, победивших врага и ушедших в бессмертие. Один из них, герой войны, и стал первым сценическим героем молодого актера.

Многие зрители любят спектакль «Бессмертные» — драматическое повествование о подвиге славного сына Чечено-Ингушетии Ханпаши Нурадилова. Эта постановка и сейчас идет в театре, посвященном имени отважного пулеметчика, героически погибшего в неравном бою, защищая город на Волге. Образ этого очень юного, но нравственно зрелого, сильного духом и чистого сердцем человека и создал на сцене артист Дагун Омаев.

Потом были другие интересные и серьезные роли. В спектаклях по произведениям Саида Бадуева: Мусост — в «Петимате», Бешто — в одноименной романтической драме. Он играл Незнамова в комедии Островского «Без вины виноватые». И хотя все герои этого актера — люди очень разные, жившие в разное время, в разных эпохах, — что-то роднило, сближало их через века. Они всегда оказывались на перекрестке событий, значимых не только в их собственной жизни. Они всегда были людьми приметной судьбы, незаурядного характера, потому что согреты искусством талантливого исполнителя, его верой в человека, в силу разума, его убеждением, что у каждого должен быть свой звездный час, минута озаренности, открывающая, поднимающая над обыденным миром вещей, привычных понятий.

Конечно, три-четыре роли, даже если они главные, — не так уж много... если бы не смежки. Кого из актеров не манит капитальная муза кино? Хотя многих, очень талантливых драматических актеров, к сожалению, «открывает» кинематограф с большим опозданием. Омаеву, актеру из республики, где нет своей кинематографии, можно сказать, повезло. Первая же его работа в кино была замечена. На саратовском фестивале телевизионных

фильмов киностента «Костры на башнях», созданная совместно мастерами литературы и искусства Чечено-Ингушетии и Северной Осетии на Северо-Осетинской студии телевидения, получила одобрение жюри. Актерская работа Дагуна отмечена дипломом.

Еще любители кино и коллеги актера в Грозном переживали эту вест, пристрасно оценивали кинодебют своего земляка, а он уже увлеченно работал над новой ролью. Ю. Чулюкин и Г. Шатров снимали там же, в Осетии, фильм о Хаджи-Мурате Дзарахове. Омаев играл главного героя. Это была новая для актера, трудная, но увлекательная задача: показать народного героя, зрелого, неукротимого, умного, рассказать о человеке, ставшем легендой, добраться до истоков героического характера.

Фильм был задуман в трех сериях. Уже в сентябре прошлого года первую увидели телезрители Чечено-Ингушетии и по памяти зрители, которым посчастливилось попасть на премьеру в кинотеатр «Родина».

«Часто у актеров театра и кино спрашивают, чему отдают они предпочтение. Дагуна Омаева этот вопрос застал врасплох.

— Не знаю, — ответил он, подумав. — Мне трудно выбрать: это так поразному. В театре все жестче, выпуклее, акценты определеннее. В кино — более тонко, больше оттенков. Каждый жест нужно оправдывать характером. Но зато кино расковывает, учит искусству импровизации. А это потом помогает на сцене работать легче, естественнее... Улыбаясь своим мыслям, как-то интересным воспоминаниям, он добавляет: — Иногда кино буквально «открывает Америку».

За этим последовал любопытный рассказ. Съёмочная группа кочевала в поисках «мексиканского пейзажа». Нужно было снять сцены скитаний героя на джунгли. Ничего подходящего не попадалось. Все устали, мрачно молчали, не ездил. Приходилось ломать голову и над тем, где найти старинный паровозик «кукушку» с открытыми, почти игрушечными вагонами. Таким был транспорт начала века. А где все это раздобудешь? «Кукушку» сейчас встретить так же нелегко, как и мамонта.

Чудо свершилось внезапно, как ему и подобало. Надалеко от станицы Военноосетинской Малгобекского района по рельсам узкоколейки к великому

изумлению уставших кинематографистов бежал допотопный поездок с почти игрушечными, по-южному открытыми вагонами. Поверить глазам было невозможно. Но и не поверить тоже. Их оказалось здесь целое депо, таких уникальных составов. По утверждению бывалых работников кино, для сегодняшнего кинематографа, для авторов исторических фильмов это было счастливой находкой.

Удача, как и беда, не приходит в одиночку. Минуты первые мгновения ошеломляющего восторга, все огляделись вокруг спокойно и внимательно. И тут оказалось, что и вознесенский пейзаж вполне устраивает оператора для съемки мексиканских сцен. Началась работа — усталости и уныния как не бывало...

А в самый канун нового, 1971 года, съёмочная группа уже возвращалась из Москвы, где озвучивалась вторая серия ленты «Жизнь, ставшая легендой». Фильм привлёк внимание мастеров киноискусства. Они высоко оценили работу энтузиастов. И если замыслился ки-

нофильм как телевизионный, то сейчас, по всей вероятности, он выйдет на большой экран. А третью серию Ю. Чулюкин и Г. Шатров будут снимать уже не на Северо-Осетинской студии, а на главной кинофабрике страны — «Мосфильме».

Дагуну Омаеву предновогодние дни в Москве принесли еще одну радость. Он получил приглашение на роль персидского хана в новом фильме Василия Шукшина «Степан Разин». Предложение интересного писателя, актера и режиссера испугало и обрадовало одновременно. Пять дней, завершившись в номере гостиницы, Дагун читал сценарий, размышлял над прочитанным. Размах, глубина замысла страшили и увлекали. На кинопробы он пошел и возвращался со студии счастливым участником коллектива, начинающего работу над киноэпопеей о крестьянской войне и ее вожаке Степане Разине.

Л. КЛИМОВА.

НА СНИМКЕ: Дагун Омаев в роли персидского хана.